

НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМ Н.В. УСТРЯЛОВА: ФИНАЛ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Антропов Олег Константинович, кандидат исторических наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: kaspregion@inbox.ru

Николай Васильевич Устрялов был оригинальным и глубоким политическим мыслителем. По его мнению, революция – не результат жидо-масонского заговора, а итог развития России за столетия, разрешение многовековых противоречий, назревших в российском обществе. Устрялов считал, что советский социализм будет преодолен ходом экономического и социального развития общества, в нем самом зреет его отрицание по диалектике Гегеля. Так Устрялов предугадал советскую перестройку 1980-х и события 1990-х гг. в России.

Ключевые слова: национал-большевизм, бонапартизм, рыночная экономика, идея государственности, фашизм, социализм.

NATIONAL BOLSHEVISM OF N.V. USTRYALOV: FINALS OF THE RUSSIAN REVOLUTION

Antropov Oleg K., Ph.D. (History), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: kaspregion@inbox.ru

Nikolai Ustryalov was an original and profound political thinker. According to him, the revolution is not the result of Judeo-Masonic conspiracy, but a result of Russia's development over the centuries, many centuries of conflict resolution in Russian society. Ustryalov believed that Soviet socialism will be overcome by course of economic and social development. So Ustryalov foresaw the Soviet perestroika of the 1980s and the events of the 1990s in Russia.

Keywords: National Bolshevism, Bonapartism, the market economy, the idea of statehood, Fascism, Socialism.

Основоположником и главным теоретиком русского национал-большевизма был Николай Васильевич Устрялов (1890–1937). Этот выдающийся русский политический мыслитель пророчески предсказал эволюцию коммунистического режима в нашей стране от тотального интернационализма и русофобии к патриотизму, от антигосударственной политики разрушения «старого мира» к созданию новой империи на обломках старой дореволюционной государственности.

После окончания юридического факультета Московского университета в 1913 г. Устрялов сотрудничал с либеральной печатью: журналом «Русская мысль» и газетой «Утро России». В 1917 г. вступил в партию кадетов, возглавил ее калужскую организацию. В 1918–1920 гг. был председателем Восточного отдела ЦК партии кадетов, возглавлял «Русское бюро печати» в правительстве Колчака, являлся издателем и редактором газеты «Русское дело». В годы Первой мировой войны и в период Февральской революции 1917 г. Устрялов – ортодоксальный правый кадет: «он последовательно отстаивает ценности либеральной демократии (которые очень скоро будут блистательно развенчивать), но в то же время – и необходимость сильного государства, способного справиться с разрухой и довести войну до победного конца» [3, с. 12]. В 1917 г. Устрялов заявил о необходимости установления в стране диктатуры, которая предотвратит национальную катастрофу.

В начале 1920 г. Устрялов эмигрировал в Харбин, в 1920–1934 гг. – профессор Харбинского университета, одновременно с 1928 г. – директор центральной библиотеки КВЖД. Проживая в эмиграции в Маньчжурии, Устрялов сотрудничает с газетой «Новости жизни» и журналами «Сунгарийские вечера», «Вестник Маньчжурии»,

«Окно» [3, с. 14], в них выходят его яркие, провокационные статьи. В 1935 г. вернулся в СССР, преподавал экономическую географию в Московском институте инженеров транспорта. Арестован 6 июня 1937 г. по обвинению в сотрудничестве с японской разведкой и связи с Тухачевским, приговорен 14 сентября 1937 г. к расстрелу; реабилитирован 28 сентября 1989 г. [2, с. 765].

Бывший кадет Устрялов в начале 1920-х гг. порывает с либерализмом, подвергает «анафеме» Февральскую революцию и приветствует Октябрьскую революцию. Теперь для него формальная демократия и либеральные свободы – зло, которое должно быть искоренено. Октябрьскую революцию он принял потому, что она уничтожила либеральные принципы XIX в., отвергла формальную демократию.

В период формирования новой идеологии Устрялов разрабатывает основные положения теории национал-большевизма. Первый и главный тезис этой доктрины – положение о неизбежности перерождения советской власти в национальную русскую государственность, которое было обосновано автором в 1921–1922 гг. в ряде статей.

Национал-большевизм – это идеология, которая предложила путь государственного преодоления революции через нее саму. Социальная база национал-большевизма отличалась от маргинальной основы ортодоксального утопического коммунизма. Национал-большевики опирались на средний класс – интеллигенцию, служащих, советскую буржуазию, крестьян-фермеров. Национал-большевизм, в отличие от народнического движения, эсеровщины и т.д., был порожден революцией и гражданской войной в России, до революции он возникнуть не мог. Это была реакция на революцию и диктатуру национал-патриотически настроенных кадетов, разочаровавшихся в белой идее и отвергающих западный либерализм. Приемлемым вариантом экономической модели для России Устрялов считал НЭП. Экономической базой национал-большевистского режима являлась частная собственность, рыночная экономика при сохранении государственного контроля над ключевыми отраслями экономики. Политический базис национал-большевизма – это советская однопартийная система.

В отличие от многих антисоветски настроенных мыслителей Русского Зарубежья, Устрялов не только признавал революцию и ее завоевания как свершившийся факт, но и оправдывал ее. По его мнению, старый режим не смог ответить на вызов эпохи, не смог довести до конца им же провозглашенные реформы: «та бездна исторического зла, которая склонилась перед революцией чуть ли не во всех областях русской жизни, могла быть уничтожена, очевидно, лишь катастрофой. На эволюцию в нашем государственном организме не хватило сил и здоровья» [4, с. 250].

Революция завершилась победой в гражданской войне и переходом к НЭПу. Советская власть встала на путь эволюции от коммунизма, т.е. интернационал-большевизма к национал-большевизму. Для Устрялова эта эволюция выразилась в следующем: «Был "немедленный коммунизм", – сейчас возрождается частная собственность, поощряется "мелкобуржуазная стихия" и о "государственном капитализме" говорится как о пределе реальных достижений. Была "немедленная мировая революция", – сейчас в порядке дня ориентация на мировой капитализм, отказ от экстремистских методов борьбы с ним, был боевой воинствующий атеизм, – сейчас в расцвете "компромисс с церковью". Был необузданный интернационализм, – сейчас "учет патриотических настроений" и приспособление к ним. Был правовеернейший антимилитаризм, – но уже давно гордость революции – красная армия» [12, с. 177].

Итак, первым шагом от интернационал-большевизма к национал-большевизму стало провозглашение новой экономической политики. При этом внешне большевистский режим, по мнению Устрялова, не изменился, но все же НЭП менял его сущность. Интернационально-коммунистическая риторика, считал Устрялов, уже не страшна: «от коммунистической идеи остались терминология и мечты о мировой революции [10, с. 253–254].

Мысль об эволюции большевизма в условиях новой экономической политике Советской власти воплотилась в одной из ключевых идей концепции Устрялова.

«Эволюция большевизма» есть эволюция его политики, а не его философии, «эволюция большевизма» есть его разрыв с прежними методами хозяйствования, а вовсе не изменение его конкретных целей в сознании его вождей» [13, с. 184]. Эволюция большевизма не означает, что коммунизм перестает им быть и перерождается в либерализм. «Разговоры об "эволюции большевизма" встречаются самими большевиками неизбежно иронической улыбкой...» [11, с. 135]. Для Устрялова большевизм, изменивший свою экономическую политику, отказавшийся от «немедленного коммунизма» периода гражданской войны, не есть «прежний большевизм»: «большевизм являлся, прежде всего, тактикой "прямого действия". Если же теперь он выбирает "обходной путь" – он уже тем самым перестает быть прежним большевизмом, хотя конечные цели его остаются прежними. Но до них уже очень, очень далеко...» [13, с. 184].

Перерождение большевизма – это использование коммунистами буржуазных методов в экономической и социальной сферах. «Сохраняя старые цели, внешне не отступаясь от "лозунгов социалистической революции", твердо удерживая за собою политическую диктатуру, она начинает принимать меры, необходимые для хозяйственного возрождения страны, не считаясь с тем, что эти меры "буржуазной" природы. Вот что такое "перерождение большевизма"» [11, с. 139]. Устрялов отмечал, что процесс перерождения большевизма совершается в крайне трудных условиях. «Если политически советское правительство еще достаточно крепко, если государственный аппарат действует более или менее послушно, – "реформы" могут "пройти" и оздоровить страну. И в результате мы получим любопытную картину: диктатуру коммунистов в "буржуазной", по существу, стране!» [11, с. 140]. Смысл национал-большевизма раскрывается Устряловым следующим образом: Советы как форма организации государственной власти, правящая коммунистическая партия, социально-ориентированная рыночная экономика, регулируемый государством, экономическими методами, капитализм. Если, по Ленину, НЭП – средство восстановления экономики страны, создания условий для построения социализма, то, по Н. Устрялову, советская политическая система – есть средство ускоренного развития капитализма, буржуазной модернизации страны. Иными словами, национал-большевизм это коммунистический режим в капиталистической стране.

Основные принципы национал-большевизма, разработанные Н. Устряловым, сводятся к следующим положениям: «1) ликвидация коммунизма и действительная консолидация земельных завоеваний крестьянства; 2) внешняя политика, направленная на достижение реальной экономической связи с иностранными державами и на создание конкретных условий, благоприятствующих привлечению в страну иностранных капиталов; 3) сильная диктаториальная власть, опирающаяся на армию и на активные элементы страны, в большинстве своем выдвинутые революцией и 4) абсолютное отрицание легитимно-монархической реставрации и ее неизбежного социального "сопровождения" – старого помещного класса» [5, с. 169].

Устрялов понимал, что любая революция заканчивается установлением диктатуры. Принимая идею революционной диктатуры, он рассчитывал, что диктатура пролетариата в условиях НЭПа эволюционным путем превратится в национал-большевистскую. Он писал: «Мне представляется, что путь нашей революции мог привести к преодолению большевизма эволюционно и изнутри» [2, с. 174]. Большевистская диктатура, не смотря на ее жестокость, оказалась востребованной, и народ ее принял. «Массы отрекаются от своей непосредственной власти. Измученные смерчем войн и революций, народы хотят одного – спокойствия и порядка. И, обремененные высшей властью, калифы на час, они спешат уступить эту высшую власть активному авангарду, инициативному меньшинству, из своей собственной среды. Инициативному меньшинству, обычно завершённому инициативнейшей фигурой, авторитетной волей вышедшего снизу вождя» [7, с. 399].

В какой же форме должна быть создана национал-большевистская диктатура в России? Устрялов полагает, что наиболее приемлемой формой власти является не

парламентская республика либеральной модели, а цезаризм, т.е. «...власть народная, но не демократическая. Власть крутая, но понятная народу. Вышедшая из масс, но массы прибирающая к рукам ради их же благополучия...» [7, с. 400]. К сожалению, формулу национал-большевистского цезарианства автор не раскрывает, но достаточно подробно говорит о феномене бонапартизма, так как считает, что национал-большевизм – это идеология русского бонапартизма. «Бонапартизм – первоначальное обозначение контрреволюционной диктатуры Наполеона Бонапарта и Луи Наполеона, лавировавших между социальными группами; сочетали демагогию с политикой наступления на демократию и революционное движение. В более широком смысле – диктатура, лавирующая между социальными группами в условиях неустойчивого социального равновесия» [1, с. 144] (на самом деле бонапартизм – явление очень сложное и данной трактовкой не ограничивается). Устрялов выделяет следующие черты бонапартизма: 1) бонапартизм есть результат революции, ее итог, он воплощает ее дух, выражает в сжатой, свободной от революционной риторики форме, правовые нормы и решает ее задачи; 2) бонапартизм есть гарантия от реставрации, старых, дореволюционных порядков, защиты Отечества от посягательств со стороны враждебных государств; 3) бонапартизм положил конец революционному экстремизму, массовому террору; 4) бонапартизм есть гарант стабильности и реализации принципов и целей революции, он осуществляет создание того общества, ради которого и затевалась революция; 5) бонапартизм выражает и защищает интересы, потребности тех социальных слоев и классов, которые были движущими силами революции; 6) бонапартизм закрепляет завоевания революции, он ее итог, он спасает ее от саморазрушения и способствует стабилизации, создает условия для реализации ее задач.

В своих статьях Устрялов косвенно подводил читателя к мысли о необходимости и возможности установления бонапартистской власти в постреволюционной России. Советский бонапартизм должен был опираться на рабочий класс и класс мелких и средних собственников, т.е. крестьянство и НЭПмановскую буржуазию. На появление советского бонапартизма, по мнению Устрялова, указывал ряд признаков: 1) отказ от немедленного коммунизма, от политики «военного коммунизма» и переход к НЭПу, т.е. рыночной экономике; 2) отказ от немедленной мировой революции и концентрация построения социализма в одной стране; 3) отказ от тотального интернационализма и переход на позиции патриотизма, пусть и социалистического, признание наличия специфических национальных и геополитических интересов России-СССР, предпочтение геополитическим интересам Отечества, а не мировой революции; 4) синдром «Сатурна, пожирающего своих детей», т.е. революции, пожирающей своих детей.

Устрялов писал: «Вся железная когорта в луженом желудке Сатурна. А на ее местах новые люди, новое племя: по воспитанию кубяки и молотовы... (...) Но не нужно даже быть археологом, чтобы поставить прогноз: среда боонапартистской "реакции" зреет, почти созрела» [3, с. 40].

Действительно, во второй половине 1920-х гг. в СССР развернулась борьба за власть внутри правящей элиты, в итоге смена группировок в правящей верхушке состоялась. Сталин безжалостно отстранил от власти «мозг партии» – ленинскую гвардию, коммунистических лидеров с дореволюционным партийным стажем. На смену «ленинской гвардии» пришли «сталинские соколы», т.е. солдаты от политики, «партийные мамелюки». Устрялов отмечает, что в итоге в ВКПб не осталось вождей, кроме Сталина, ни одного теоретика, идеолога, ни одного яркого, талантливой партийного публициста. Это был ловкий политический маневр Сталина. По мнению Устрялова, советский партийный диктатор осуществил, по сути, государственный переворот, провел «дереволуционизацию» страны. Так, великий политик и великий диктатор Сталин сыграл роль советского Бонапарта.

Устрялов прекрасно понимал, что во второй половине 1920-х гг. страна вновь переживает крутой поворот, идет искусственное возрождение политического экстремизма периода гражданской войны. Его волнует вопрос: сможет ли Сталин найти

правильный выход из создавшейся конфликтной ситуации и увести страну от новой гражданской войны.

Устрялов хотел видеть в Сталине российского Бонапарта. Он надеялся, что в нашей стране в 1920-х гг. бонапартистский режим, проводя «термидорианскую политику», развивая НЭП, будет способен изменить сущность политического строя. Но это была лишь иллюзия. Прогноз относительно будущей национал-большевистской эволюции советского строя не совсем оправдался. Национал-большевистская программа была выполнена Сталиным в области внутренней и внешней политики. Экономическая же основа национал-большевизма – рыночная экономика в конце 1920-х гг. была ликвидирована.

После сталинского «великого перелома» Устрялов оказался перед выбором: принять советскую систему такой, какой она стала или отказаться от национал-большевистского проекта для СССР в целом. Это был роковой момент его жизни. Устрялов решил пожертвовать частью, чтобы сохранить целое, т.е. отбросить экономическую программу национал-большевизма ради сохранения и реализации на практике политической и геополитической части своего проекта. Это было вполне логично для Устрялова, так как он был не экономистом, а геополитиком. Именно геополитическую часть национал-большевистской программы Сталин успешно притворял в жизнь. В 1930-х гг. в СССР был взят курс на усиление великодержавности и восстановление страны в границах Российской империи.

Для Устрялова внешняя политика была более значима, чем внутренняя. Главным было собирание земли после великой смуты, воссоздание империи, сохранения за нашей страной статуса великой мировой державы и неважно под какой государственной символикой и как она называется. С этой точки зрения сталинская модернизация страны укрепила военно-стратегическое и индустриальное могущество, а значит, наше Отечество могло достойно ответить на вызов истории. В итоге социалистических преобразований советское государство укрепилось, а значит, в этой части, национал-большевистская программа была Сталиным выполнена.

Политическая философия Устрялова – это мировоззрение идеального государственного служащего. Идея беззаветного, самоотверженного служения государству проходит через все его произведения. Для Устрялова образец для подражания – это верный, честный слуга Отечества, его идеологию, мировоззрение честного российского госслужащего – чиновника и офицера, его духовный мир он выразил в своей политической философии. В условиях духовного кризиса, краха старой системы ценностей Устрялов дал государственно-мыслящим людям идею и направление деятельности: служение Отечеству через служение государству в условиях перехода Советской власти к НЭПу.

Проблемы места, роли России в мире, в системе международных отношений, ее исторической судьбы являются актуальными во все времена и всегда были предметом изучения и дискуссий отечественных и зарубежных политических мыслителей, философов, государственных деятелей. На этот счет высказывалось немало глубоких интересных мыслей, формировались различные исторические, религиозно-культурологические и политические концепции. Идея государственности является главной в теории национал-большевизма Устрялова. Идея государства – системообразующая идея его концепции.

Устрялова вполне устраивала советская система, по его мнению, она вполне отвечала интересам страны, удовлетворяла притязания «национального демократизма». В статье «О будущей России (к вопросу о "самоопределении" сменовеховцев)» он писал: «понятие "демократия" весьма растяжимо. Когда его употребляют (неправильно) для обозначения строя, соответствующего "духу народа" или благу народа, то, конечно, все мы демократы. Больше того, я охотно называю себя "национальным демократом" в том смысле, что, констатируя смерть исторических форм абсолютизма, признаю необходимость национального политического самоопределения через специальные государственные органы представительного характера» [9, с. 246].

Устрялов считал, что либеральная западная демократия загнала человечество в кризис, но социализм это тоже не выход. По его мнению, необходима «органичность государства», которую Запад утратил и которую «коммунистическими схемами» достичь нельзя, для него «суть дела все-таки не в форме государственного строя (при всем значении, которое, разумеется, было бы ошибочно отрицать), а в содержании народной жизни, характере народных переживаний, стиле и устремлениях национальной культуры» [9, с. 246].

Устрялов никогда не утверждал, что эволюция большевизма неизбежно приведет к установлению в России демократических форм правления, что советская власть неизбежно трансформируется в условиях НЭПа в либерально-демократическую, парламентскую республику Западного образца. Он заявлял: «Я не только не считаю неминуемой рецепцию Россией западных конституционных канонов, но верю, что в результате текущих событий России самой удастся создать культурно-государственный тип, авторитетный для Запада» [9, с. 246]. Таким образом, Устрялов не считал обязательным установление в России формальной, парламентарной демократии западных образцов.

Устрялов считал, что системообразующей государственной нацией в СССР является русская нация, она – основа формирующей советской государственной нации. Для Устрялова исторически и политически «советизм» есть русская форма, образ «российской» нации [8, с. 347]. Россия это основа СССР, а Москва – объединяющий государственный центр. Идея интернационализма воплотилась в советской государственности, построенной на принципах социалистического федерализма. Однако интернационализм не должен идти в ущерб России, за счет нее и пренебрегать национальными интересами русского народа.

Устрялов выделял национально-государственное и национально-культурное самоопределение. Как «державник», он признавал равноправие наций и народностей и отдавал предпочтение национально-культурному самоопределению (культурно-национальной автономии). Он приветствовал оживление национальных культур и языков в России, осуждал политику насильственной русификации, которая практиковалась в царской России и вела к национально-культурному обезличиванию народов. Однако Устрялов предостерегал и от другой крайности, а именно: ущемлению прав русского народа за счет инородцев. Его не могла не возмущать эксплуатация русского народа во имя искупления мифической вины перед инородцами, искусственно смоделированные неравноправные условия, в которых оказались русские люди, по сравнению с так называемыми национальными меньшинствами. По его мнению, ускоренное экономическое и социальное развитие национальных регионов за счет изымания и перераспределения финансовых средств и материально-технических ресурсов из русских областей недопустимо. Это касается культурной и языковой политики. Устрялов писал: «Нехорошо искусственно подавлять "языки", но столь же плохо и искусственно насаждать. И в первом и во втором случае неизбежен здоровый естественный протест жизни. Искусственно воздвигаемые картонные домики имеют свойство рушиться при первом дуновении» [8, с. 347].

Устрялов пытался понять, что происходит в национальной сфере СССР. Он стремился объяснить русофобскую политику интернационал-большевиков. «Революционная доктрина побаивается "шовинизма господствующей нации" и склонна иногда препятствовать ее культурно-историческому "самоопределению", принося его в жертву даже "выдуманным" культурно-национальным призракам. Это понятные крайности эпохи. Они преходящи, хотя и опасны, но суть ее – не в них. Конечно, если культурно пробуждаются туркмены или калмыки, – как же не проявлять признаков культурного оживления русским?» [8, с. 347].

Устрялов не против принципа интернационализма, он против его извращения, доведения до абсурда и противопоставления его патриотизму. Интернационализм не должен идти в ущерб национальным интересам народов России. «Полнота – в разнообразии, а не в исключительности. Интенсивность жизни, привлекательность жизни –

в ее богатстве. Пусть в рамках единой государственности, проникнутой твердым сознанием спасительности своего исторического единства, цветут и пеняются разномастные, многоцветные обычаи, привычки, нравы, "культуры". Пусть идет свободное и дружное их состязание: жизнеспособные устоят, немощные растворятся, приобщатся к сильным» [8, с. 349].

В своей политической публицистике Устрялов не мог не затронуть такое общественно-политическое явление, как фашизм. Он понимал и сочувствовал некоторым положениям фашизма, но он отталкивал его своим расизмом и русофобством. Из двух видов фашизма: нацизма и итальянского фашизма Устрялов отдавал предпочтение итальянской модели идеократии. В фашизме его привлекал дух иерархии, идеи солидарности трудящихся, объединенных в корпорации. Однако он утверждал, что для России наиболее приемлемым, учитывающим ее национальные интересы является национал-большевизм, который должен синтезировать в себе и элементы пролетарской диктатуры коммунистов, и элементы фашистской диктатуры. Национал-большевизм, по мнению Устрялова, должен взять все «лучшее» у коммунизма и фашизма. Устрялов утверждал, что «... путь выздоровления – в своеобразном жизненном синтезе (не нарочитом компромиссе), взаимопроникновении обоих лозунгов. Диктатура прогресса должна быть вместе с тем и трезвой диктатурой порядка, мирного труда, а последняя, в свою очередь, чтобы победить, должна воплощать дыхание "нового мира". Ни диктатуры утопии, ни диктатуры реакции не потерпят и не простят родившие диктатуру народы» [6, с. 403].

Однако синтетическое учение, соединяющее в себе фашизм и коммунизм, было утопией. Фашизм и коммунизм не совместимы, это диаметрально противоположные доктрины, не смотря на их антилиберализм, отрицание формальной демократии, презрение к мещанской буржуазной морали, у них разные конечные, стратегические цели борьбы. Принимая фашизм как альтернативу либерализму, Устрялов считал, что для России эта форма правого радикализма не подходит. Для нашей страны нужна своя, национально-специфическая форма правого экстремизма – национал-большевизм. Устрялов признавал, что фашизм и национал-большевизм явления не тождественные, но близкие по форме. Они вестники грядущего «цезаризма», который придет на смену либерал-демократической государственности, парламентаризму.

Важной составной частью учения Устрялова является национал-большевистская концепция международных отношений. Международные отношения представляют собой особую область политики со своими специфическими источниками власти, ресурсами, интересами и целями. Концепция международных отношений, предложенная Устряловым, – это концепция русского империализма. Он это не скрывал и не пытался прикрыться либеральным туманом общечеловеческих ценностей и прав человека. В своих работах Устрялов с позиций русского националиста-кадета проводил анализ современных ему международных политических процессов. Центральное место в его произведениях, посвященных международному положению и внешней политике СССР, занимали проблемы войны и мира, изменения баланса сил после Первой мировой войны, необходимости для России проведения активной внешней политики, отражающей ее великодержавные интересы и т.д.

Анализ произведений Устрялова позволяет выделить следующие основные черты национал-большевизма: 1) национал-большевизм есть преодоление либеральной российской интеллигенцией «синдрома белой идеи», доказавшей опытом гражданской войны свою несостоятельность; 2) национал-большевизм заявляет, что он наследует и развивает традиционную государственную линию Сперанского-Столыпина; 3) появление национал-большевизма означало идейное поражение как утопического коммунизма, так и западного либерализма в России, окончательное разоблачение пустоты и порочности российского интеллигентского государственного нигилизма, извечной интеллигентской оппозиционности; 4) национал-большевизм – это национализация идеи и практики Коминтерна; 5) национал-большевизм – это идеология великодержавной государственности.

Николай Васильевич Устрялов был оригинальным и глубоким политическим мыслителем. Он был абсолютно уверен в правоте своей теории и своего предвидения будущего развития России в XX в. По его мнению, революция – не результат жидомасонского заговора, а итог развития России за столетия, это разрешение многовековых противоречий, назревших в российском обществе.

Устрялов выдвинул идею о неизбежности появления особого политического феномена – «советского социалистического бонапартизма». Появление бонапартистской диктатуры, т.е. режима личной власти в СССР, казалось Устрялову закономерным итогом революции. Он верил, что экономической основой этого режима будет НЭП с его плюрализмом собственности, рыночной экономикой, частной собственностью и т.д.

Размышляя о будущем развитии мирового сообщества в XX в., Устрялов писал, что будущий мир «будет принадлежать социальным идеям. Социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей. Тогда снова вырвется из титанической груди революционного меньшинства крик отрицания, и снова начнется смертная борьба, в которой социализм займет место нынешнего консерватизма и будет побежден грядущей, неизвестной нам революцией. Вечная игра жизни, безжалостная, как смерть, неотразимая, как рождение, бесконечный круговорот жизни» [7, с. 409–410].

Таким образом, Устрялов заявлял, что советский социализм будет преодолен ходом экономического и социального развития общества, в нем самом зреет его отрицание по диалектике Гегеля. Закон отрицания отрицания неумолим. Так, Устрялов предугадал советскую перестройку 1980-х и события 1990-х гг. в России.

Список литературы

1. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – Москва, 1998. – 1600 с.
2. Политическая история русской эмиграции 1920–1940-х гг. Документы и материалы / под ред. А. Ф. Киселева. – Москва, 1999. – 776 с.
3. Сергеев С. Страстотерпец великодержавия / С. Сергеев // Н.В. Устрялов. Национал-большевизм. – Москва, 2003. – 656 с.
4. Устрялов Н. Годовщина / Н. Устрялов // Н.В. Устрялов. Национал-большевизм. – Москва, 2003. – 656 с.
5. Устрялов Н. Две реакции / Н. Устрялов // Н.В. Устрялов. Национал-большевизм. – Москва, 2003. – 656 с.
6. Устрялов Н. Кризис современной демократии / Н. Устрялов // Н.В. Устрялов. Национал-большевизм. – Москва, 2003. – 656 с.
7. Устрялов Н. Национализация Октября (к восьмой годовщине) / Н. Устрялов // Н.В. Устрялов. Национал-большевизм. – Москва, 2003. – 656 с.
8. Устрялов Н. О будущей России (к вопросу о «самоопределении» сменовеховцев) / Н. Устрялов // Н.В. Устрялов. Национал-большевизм. – Москва, 2003. – 656 с.
9. Устрялов Н. Обмирщение / Н. Устрялов // Н.В. Устрялов. Национал-большевизм. – Москва, 2003. – 656 с.
10. Устрялов Н. Перерождение большевизма / Н. Устрялов // Н.В. Устрялов. Национал-большевизм. – Москва, 2003. – 656 с.
11. Устрялов Н. Сумерки революции / Н. Устрялов // Н.В. Устрялов. Национал-большевизм. – Москва, 2003. – 656 с.
12. Устрялов Н. Эволюция и тактика / Н. Устрялов // Н.В. Устрялов. Национал-большевизм. – Москва, 2003. – 656 с.

References

1. *Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar*. Gl. red. A.M. Prokhorov. Moscow, 1998, 1600 p.
2. *Politicheskaya istoriya russkoy emigratsii 1920–1940-kh gg. Dokumenty i materially*. Pod red. A.F. Kiseleva. Moscow, 1999, 776 p.
3. Sergeyev S. Strastoterpets velikoderzhaviya. *N.V. Ustryalov. Natsional-bolshevizm*. Moscow, 2003, 656 p.
4. Ustryalov N. Godovshchina. *N.V. Ustryalov. Natsional-bolshevizm*. Moscow, 2003, 656 p.
5. Ustryalov N. Dve reaktzii. *N.V. Ustryalov. Natsional-bolshevizm*. Moscow, 2003, 656 p.

6. Ustryalov N. Krizis sovremennoy demokratii. *N.V. Ustryalov. Natsional-bolshevizm*. Moscow, 2003, 656 p.
7. Ustryalov N. Natsionalizatsiya Oktyabrya (k vosmoy godovshchine). *N.V. Ustryalov. Natsional-bolshevizm*. Moscow, 2003, 656 p.
8. Ustryalov N. O budushchey Rossii (k voprosu o «samoopredelenii» smenovekhovtsev). *N.V. Ustryalov. Natsional-bolshevizm*. Moscow, 2003, 656 p.
9. Ustryalov N. Obmirshcheniye. *N.V. Ustryalov. Natsional-bolshevizm*. Moscow, 2003, 656 p.
10. Ustryalov N. Pererzhdeniye bolshevizma. *N.V. Ustryalov. Natsional-bolshevizm*. Moscow, 2003, 656 p.
11. Ustryalov N. Sumerki revolyutsii. *N.V. Ustryalov. Natsional-bolshevizm*. Moscow, 2003, 656 p.
12. Ustryalov N. Evolyutsiya i taktika. *N.V. Ustryalov. Natsional-bolshevizm*. Moscow, 2003, 656 p.

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ (1985–1991 гг.) В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Пиценко Оксана Викторовна, кандидат исторических наук, старший преподаватель

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: daniello2002@yandex.ru

События 1985–1991 гг., вошедшие в историю как «Перестройка», привели к росту меж-национальных конфликтов в союзных республиках, к огромному числу беженцев и вынужденных переселенцев в регион Нижнего Поволжья. Нерегулируемая миграция в регион привела к нарушению баланса в сложившихся межэтнических отношениях. Этот период характеризуется значительным ростом национального самосознания, активизацией движения за национальную самоидентификацию. Одно из направлений в решении национальных проблем, требовавших пристального внимания местных органов власти, было связано с вопросами обустройства и размещения увеличивающегося количества прибывавшего населения. Поток мигрантов обрушился на неподготовленную почву, поскольку в тот период в стране не существовало государственной миграционной и социальной политики.

Исторические события, изменение политического курса, экономические преобразования, несомненно, отразились на самочувствии, менталитете, месте проживания этнических групп, роде деятельности и культуре народов. Однако, несмотря на трудности, местное руководство создавало условия для равноправного и полноценного развития различных национальностей.

Ключевые слова: перестройка, национальная политика, межнациональные отношения, межнациональный конфликт, национальное самосознание.

PECULIARITIES OF NATIONAL POLICY (1985–1991) IN THE LOWER VOLGA REGION: ISSUES AND SOLUTIONS

Pitsenko Oksana V., Ph.D. (History), Senior Lecturer

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, Russia, 414056
E-mail: daniello2002@yandex.ru

The events of 1985–1991, known as «perestroika», resulted in the increasing inter-ethnic tensions in the union republics, great number of refugees and unwilling migrants to the Lower Volga Region. Non-regulated migration to the region led to misbalance in the established inter-ethnic relations. This period is characterized by the significant increase of national identity, revitalizing of national self-determination trend. One direction in solving national issues, which demanded close attention of the local authorities, was connected with the arrangement and accommodation of the increasing number of the migrant population. The conditions were unsuitable for the flow of migrant, as the state did not have definite migration and social policy at that time.